

Анна-Нина
Коваленко

Цветы ШИПОВНИКА

Этот мир

Анна-Нина Коваленко

Цветы шиповника. Этот мир

«Издательские решения»

Коваленко А. Г.

Цветы шиповника. Этот мир / А. Г. Коваленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506228-4

Книгу мою я посвящаю читателю и делюсь с ним моим жизненным опытом, не навязывая и не ставя себя в пример для подражания, а предупреждая от возможных ошибок, свойственных неведению молодости, и от всей души желая новому поколению мира и счастья.

ISBN 978-5-00-506228-4

© Коваленко А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Моя жизнь, или биография	8
I. Мир вверх тормашками	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Цветы шиповника Этот мир

Анна-Нина Гаврииловна Коваленко

Иллюстрация на обложке Анна-Нина Коваленко

© Анна-Нина Гаврииловна Коваленко, 2019

ISBN 978-5-0050-6228-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Анна-Нина Коваленко

Художник, писатель, актер сцены. Родилась во время Второй мировой войны в Сибирской деревне Сидорёнково в семье из старообрядцев. Училась в Москве: Московский энергетический институт, затем Всесоюзный государственный институт кинематографии. Работала журналистом, художником. Уезжала в Сибирь (Кемерово), работала для шахтерской прессы: ТВ, газеты «Знамя коммунизма», «Кузбасс» (1966—1968). Снова Москва.

Занималась рисунком и живописью в студии А. Максимова. Вступила в Ассоциацию независимых художников на М. Грузинской, 28 (1978). В 1979—1986 годах была объектом «наблюдения» и арестов за активные выступления против войны в Афганистане. В конце 1984 года стала членом группы мирных инициатив «Доверие» («За установление мира и доверия между Востоком и Западом»). За свои мирные убеждения и мирные акции, выступления за свободу выставок, организацию «андер-граунд» выставок в содружестве с творческой молодежью – хиппи подвергалась многочисленным арестам, избиению, заключениям и помещениям в психиатрический госпиталь (им. Кащенко), где подвергалась пыткам, принудительному «лечению» нейролептиками, инъекциями, нацеленными на физическое уничтожение. Последнее заключение Анны-Нины было в Кащенко за организацию вместе с В. Зюзиным выставки-парада «Искусство сильнее бомб» (6 сентября 1986 г.), закончившейся её разгоном силами КГБ, избиением и арестами художников, конфискацией либо уничтожением их работ. В конце декабря 1986 г. Анна-Нина была освобождена из психиатрического заключения после подписания документа, в котором обещала покинуть СССР в течение 6 дней. Получила политическое убежище в Посольстве США в Москве и в январе 1987 г. прибыла с дочерью-подростком в Нью-Йорк.

Участник многочисленных выставок в Нью – Йорке, Нью-Джерси, Чикаго (США) и городах Европы. 1999—2014 – обладатель наград (дипломов и медалей) от Национальной федерации французской культуры (Fédération Nationale de la Culture Française).

Театры: Dixon Place и Joyce’s Theater (NYC); Manhattan cable TV «Ideas and Images»; Hudson Guild Theater.

Фильмы: Razor of Trebliz; Nuclear Family (Omar Ali Cosma); Bounds (Devin Horan); Dream of Dance (Irina Varina).

Член Клуба русских писателей Нью-Йорка с 1984 г. Член American Pen Center (Американского писательского центра). Опубликовала воспоминания о Малой Грузинской, включая «Дни Анатолия Зверева» (1990) и др.; «Рукопись, найденная в Верхнем заливе, или Белая лошадь» (2000 – Effect Publishing Нью Йорк, 2014 – Москва, «РИОР»); «Тысячелистник»; «Пять ступенек к воскресению» (2013— Москва, «РИОР»), «Приземления» (2016 – Москва, «А-проджект»), а также рассказы и очерки в русскоязычных журналах в России: «День и Ночь» (Красноярск), «Север» (Мурманск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дворцовая, 26» (Петербург) и США («СЛОВО-WORD», Нью-Йорк). Автор нескольких произведений на английском языке («Purgatory», «Beyond the Little Prince», «Siberiada» и др. – Xlibris, Филадельфия США – конец 1990-х, «White Horse», «Five steps to Resurrection», «Landings» – Trafford Publishing – Индиана США, 2014—2016).

Живет и работает в Нью-Йорке.

Контактная информация:

P.O. Box 8679, NYC, New York, 10116 USA

Телефоны:

+1 (212) 470—7876 (США);

+7 (985) 481—7295 (Россия)

E-mail: ninakovalenko@yahoo.com

www.facebook.com/annanina.kovalenko

Моя жизнь, или биография

I. Мир вверх тормашками

Хочу сказать сразу: моя биография, моя жизнь – это всего лишь моя жизнь, а не руководство к успеху, о нет. Да и кто я? (Сама не знаю.) Ищушим подсказки к успеху, личному ли, финансовому, лучше отвернуться от моей писанины – достаточно взглянуть на дом, в котором прошло моё счастливое детство, чтобы отвернуться, как несовершеннолетним при просмотре взрослых сцен.

...Есть что-то роковое в том, что каждый год семнадцатого марта я выхожу на улицу в поисках первых весенних цветочков. И нахожу – как правило, цветочки мать-и-мачехи. (Я даже помню их запах – запах весны!) Видимо, это и есть мой день рождения. Хотя, по рассказам матери, я родилась на куче чёрной смородины рассыпанной по полу, и значит, правильно, как по документам, в августе. В Нью-Йорке каждое семнадцатое марта бывает парад в честь Святого Патрика, и хоть я толком об этом святом ничего не знаю, в этот день надеваю зелёное и спешу примкнуть к параду – в качестве зрителя на обочине.

Семнадцатого же марта родился великий русский художник-мистик Михаил Врубель...

Одно из ранних воспоминаний: мир вверх тормашками. Я на пригорке, широко расставив ноги, наклонилась и смотрю на мир между ног: получается мир вверх тормашками: внизу небо, на нём, то есть по нему – плавают птички вверх животом; над небом нависают колоски, зелёная трава и редкие цветочки, а дальше – сосульками деревья...

Я родилась в сибирской деревне Сидорёнково. Моя бабушка по матери – Анисья Михайловна, девичья фамилия Толоконникова, родом из-под Пензы, была старшей сестрой в семье, мать умерла рано, отец снова женился, всего родных и приёмных (сводных) детей было много, кажется, двенадцать. Бабушка говорила, что когда ей было 15—16 лет, она служила кухаркой в доме богатого татарина. Это, конечно, было в Пензе, а в Сибирь они – Толоконниковы – переехали позже. Тут она встретила моего биологического дедушку Константина Михайловича Сидорова: нанялась работать у его семьи на сезонных работах, понравилась всем и ему, и вышла замуж. Они с Константином были абсолютные ровесники, то есть родились в один год, один месяц, один день – 7 января 1885г. У них даже отчества одинаковые – Михайлович и Михайловна. Откуда его предки, толком не знаю (возможно, с Дона), знаю, что все виденные мною его родственники были брюнетами и брюнетками с чёрными или ярко-синими глазами. В деревне, где я родилась, чуть ли не все были Сидоровы, даже и не родственники – возможно, им дали такую фамилию при какой-то регистрации, и сельчане, чтобы не путаться, различались по кличкам: Чирки – за ловкость в танцах, есть такая птичка, «Чирок»; Пашухины – от имени главы рода: Павел, или Пашуха; Цыганковы – за чернявость – кстати, родственники моего дедушки Константина; ДмитриАлександрычевы (понятно, от имени главы рода); Морковники – за морковь, высаживаемую в огромном объёме хозяином участка «Морковником» в расчете на профит от продажи; и т. п.

В 1918—20 г. г. Константин организовал партизанский отряд, который хотел добиться независимости Сибири – наивная идея. Это было смутное время в Сибири. Его поймали, пытали, казнили. Потом – переловили и убили весь отряд, и теперь они все лежат в братской могиле в городе Бочаты. У меня есть, хранится мамин рассказ об этом, а также мною написан рассказ «Ночные голоса» со слов бабушки, и он же, то есть рассказ бабушки, войдёт (без эпиграфа) в мою повесть «Дальние Страны» как «Колыбельная».

После его гибели бабушка вышла замуж за Прокудина Поликарпа Сергеевича – моего приемного дедушку. Он относился ко мне как к родной внучке, называл «Голубка». Статный, кареглазый, истинный сибиряк, с густой шевелюрой и ослепительной улыбкой – как он сохра-

нил такие зубы (все!), не понимаю, ведь он постоянно курил «самокрутки», табак сам выращивал... У него были также братья-сёстры, старoverы, после установления советской власти и коллективизации его братья ушли в тайгу, а он остался и работал в колхозе пчеловодом, и бабушка ему помогала. Иногда, помню, приходили из тайги и останавливались на пару дней родственники со странными именами – Петропей, Фома... Среди его родных даже был Наполеон. Однажды по настоянию односельчан дедушку назначили председателем колхоза («Хватит с нас иногородних!»), но вскоре по анонимному доносу о его «вредительстве» (он приказал скосить на силос «зелёнку» – зелёный овёс, так как ожидалось заморозки, овёс не мог созреть), арестовали и посадили. В моём рассказе «Девочка с глазами синими как море» из «Белой Лошади» есть достоверная картина его ареста, в чём я, ребёнок, винила тогда себя за вырванную мною в огороде морковку. Позже благодаря защите его освободили. Тогда он собрал все ульи и удалился с этой пасекой в тайгу, откуда лишь присылал продукцию, то есть мёд, колхозу. Там и умер.

Бабушка Анисья – изящная, сероглазая, была удивительно мягким, приветливым человеком. В избе всегда хватало места для городских и местных гостей. И ещё, меня не перестаёт поражать, откуда она находила силы после тяжёлого трудового и хлопотливого дня, перед тем как заснуть, долго молиться в темноте, а потом подсаживаться ко мне и рассказывать удивительные истории и сказки. Она брала меня с собой на пасеку и в согру* (*сибирский мелколистственный лес) по ягоды, грибы ли, и по дороге объясняла названия и назначения встречающихся растений. Мы шли по согре – я отставала, оглядывалась назад, жадно фотографировала глазами картинки природы: берёзки, ромашки, душистый горошек, холмы, облака, ленточка реки вдалеке, и всё с одной недетской мыслью: «Надо это запомнить... Надо запомнить...» – как бы впитывая кожей законы светотеней. Бабушка приводила в чувство окриком: «Не отставай! Чо стала?»

У неё было 14 детей – от первого брака 4 и во втором браке 10. Но в живых остались только четверо: от Константина моя мама и дядя Лёня – в 20 лет он погиб в Сталинграде, то есть дожил до двадцати. От Прокудина – Валентина и Ксения, все остальные дети умирали и погибали детьми от несчастных случаев (тонули, травились) – бабушка была слишком занята на колхозных работах и не могла усмотреть. Но я узнала об этом много позже, она никогда не говорила о своих потерях. Ещё, она никогда не целовала меня и никогда не наказывала – удивительный приём воспитания. Мне вообще была предоставлена полная свобода действий и, соответственно, познания мира. Существовало табу на слово «куда» («Ты куда?» и т.п.) Я до сих пор не переношу этого вопросительного слова. С младенчества помню себя прыгающей через (падающей в-) колодец; реву – иду домой с окровавленными перемолотыми руками – засунула в колхозную точилку; прыгающей через костёр – и потом лежащей в постели с обожжёнными ногами; парализованной, лежащей на спине с поджатыми в коленях ногами (исцелила потом наговорами деревенская знахарка); лежащей на полу с заплывшими глазами и с головой разбухшей как котёл – сунулась в улей в поисках мёда... Спускаюсь по обрыву, что над омутом: вижу внизу темно-зелёную неприветливую воду и чувствую что-то неладное... Тут меня спасает 12-летний пионер Егор Цыбин, по отвесной стенке обрыва выносит наверх. Или, вот: спускаюсь к реке по пологому берегу и ступаю в воду: вода мне по колено; по пояс... по шейку... с головой. Тут я чувствую, что меня не держат ноги. Задержав дыхание, страшным усилием разворачиваюсь на 180 градусов и – выбираюсь из воды на берег. Это было вскоре после того, как та же самая река унесла от меня друга моего раннего детства Славу. Только я тогда не понимала происшедшего, то есть, понимала по-своему, и об этом рассказ «Тысячелистник». Много, много было у меня падений и травм. Так что, помню, в шесть лет, когда моя дальневосточная приятельница Тоня Ковток предложила прыгнуть с крыши сарая, я подумала: «Как это скучно... И рискованно...» Ей выпало прыгнуть первой, она прыгнула и сломала ногу.

Глядя на неё сверху, воющую от боли, я подумала: «Ну вот, мне не надо прыгать», спустилась и помогла ей добраться до дома.

Я очень рано начала читать, где-то к 3-м годам. Помню, проникла в мамин класс – я часто это делала – сижу под партой, а кто-то сидящий за партой (вижу лишь руку с алфавитом под партой) показывает мне алфавит и шёпотом объясняет, какая это буква... А вот я сижу за столом в избе в Сидорёнково, и вывожу буквы – учусь писать, сама... Сижу рядом с мамой и помогаю ей проверять диктанты, написанные в классе. Мой писклявый голос: «Ой, мама, Самошка¹ такой дурак! – Написал „сабака“ вместо „собака“!»

Я была совсем маленькая, когда шла война. В поморцевской школе, где мама учительствовала, висела в учительской огромная карта, утыканная крошечными флажками: точки боевых действий. Взрослые перемещали флажки и о чём-то говорили, смысл сказанного до меня не доходил, я могла лишь видеть их выражения – радости или огорчения, в зависимости от расположения флажков. Ещё, в поморцевском доме маминой соседкой, или, как теперь говорят, «руммейткой», была заведующая школой Анна Петровна, которая не позволяла маме плакать по поводу того, что «нет писем с фронта». Анна Петровна говорила: «Помните: каждая слезинка делает морщинку». Позже я узнала, что сама Анна Петровна тогда уже получила похоронку с фронта – погиб её единственный сын. И она находила в себе силы утешать! И ещё помню, позже, в Сидорёнково, такую сценку: бабушка разговаривает с каким-то прохожим солдатом, он сидит на стуле в шинели спиной ко мне, а по спине, по этой шинели, ползают вши, ну просто кишмя кишат... Есть ещё более ранние и более драматические воспоминания о войне в моём детстве в других рассказах... Конец войны, то есть «День Победы», запомнился розовой шалью, которую водрузили на сарай старшие за неимением в доме ничего красного.²

О родителях моего отца я ничего не знаю, согласно отчеству «Кузьмич» отец моего отца звался Кузьма, а как звали его мать, не знаю, но почему-то мне кажется, «Ефросинья». До войны они жили в районе Апшеронска, после войны бесследно исчезли. Моя мама советовала написать запрос в адресный стол, я писала, но этот стол не мог ничем помочь.

Моя мама (1915—1980) была очень талантливым человеком. Бабушка, при всей её интеллигентности и поэтичности, всё же была земной женщиной, а мама – иногда мне даже кажется, она пришла с другой планеты и не могла адаптироваться в земной среде. Когда ей было 14, она изрисовала стены дома (прямо по побелке, внутри), за что была наказана отчимом, побита, и с тех пор боялась брать карандаш в руки, но если я её уговаривала что-то или кого-то нарисовать, она несколькими взмахами руки с карандашом создавала просто гениальный рисунок. Уже в Москве, будучи членом Горкома, или «Грузинки», я всегда вспоминала маму, видя рисунки Ильи Кабакова – те же пропорции, та же линия. Поразительная похожесть. Она окончила педагогическое училище и работала учительницей начальных классов, перемещаясь из одного пункта (чаще деревни) в другой по назначению РОНО (Районный Отдел Народного Образования). Хранила верность призванию – уж если нельзя рисовать, вышивала, вязала, кроила, шила, изобрела некий станок, на котором ткала симпатичные коврики, раздавала их; покупала клеёнчатые скатерти и на обратной стороне писала картины, раздавала их – вешать над кроватью как ковры. На Дальнем Востоке организовала народный театр... Первым мужем её был Евгений Васильевич Малышкин, собственно, он работал завучем в одной с ней школе. Они поженились. Мама всегда помнила Евгения Васильевича и называла его самой большой любовью. Я спросила маму, как он выглядел, и всё что она могла сказать о его внешности – он был очкарик. И она его любила. Их счастье было недолгим. Маленькая дочь Ирочка умерла. Евгения Васильевича забрали и увели однажды ночью – были 30е годы. Он всегда боялся, что с ним это может случиться, и вот, случилось. – Может быть, он участвовал в каком-нибудь моло-

---

¹ Самуил.

² «Бесконечные пыльные дороги».

дежном течении... движении? Он родился в 1913г. в Воронежской области и учился в Москве в МИГАИК (Институт Геодезии, Аэрофотосъёмки и Картографии). Уехал в Сибирь, где его нашли вездесущие органы... Мама стала ждать, когда придут и за ней. В это время она работала в г. Белово и снимала комнату в бараке. К её соседке Марии, маминой тёзке, приехал в гости брат Гавриил, кадровый военный. Увидел маму: «Кто такая?» – сестре, влюбился, и остался в Сибири. Устроился работать инкассатором в местном банке. Началась Финская война (1939) – он ушёл. Вернулся. Решил съездить на родину, и мама засобиралась переезжать с ним... 22 июня 1941г., когда поезд прибыл в Москву, где нужно было делать пересадку, по радио объявили начало войны. Где-то я видела письмо, где он сетует: «Всех провожали родные – матери, жёны, сёстры, только я один...» Потом придут ещё 2 письма из Подмоскovie (я храню), ему как артиллеристу нужно было готовить кадры. Как он писал, «адреса нет», потом он исчез, и только по окончании войны маме ответили из военкомата, что последний раз он был раненый в госпитале под Ржевом (1942), и в этот госпиталь попала бомба. Все мои попытки найти место захоронения отца опять же не имели успеха.

Меня крестили Анной

Крестила меня, по правилам беспоповской староверческой секты, старая женщина, а не священник мужского пола. Акт крещения состоялся в отсутствие мамы и без маминого ведома, бабушке не хотелось портить карьеру маме. И во мне же львиная доля Нины. Я помню руки отца. Помню, эти руки поднимают меня, ревущую, с пола, на котором лежит сломанная мною гитара. И ещё: его руки несут меня мимо синей занавески в красных тюльпанах³. Мой отец – по фотографиям и по рассказам: высокий, стройный, светловолосый, синеглазый – для тех, кто его видел, он был трафаретом мужской красоты и человеческих достоинств: «высокий, красивый, ну прямо как Гаврюша Коваленко...» Часто вспоминали, что когда он навещал деревенских родственников – тёщу, тестя, т.е. моих бабушку-дедушку, – в дом прибегали ребятишки и просили его «покатать» на его длинных ногах. Он усаживался нога-на ногу, предлагал ребёнку сесть на носок и раскачивал его как на качелях. И ещё, они с мамой дуэтом играли на гитарах, у каждого по гитаре. На сохранившихся групповых фотографиях он, как правило, чуть в сторонке от группы, с блокнотом и карандашом в руках. О чём он писал? Теперь не узнаю, как не узнаю, что за чертежи были в дневнике дяди Лёни – маминого брата – перед уходом на фронт, какие мечты вынашивал этот русский юноша, обречённый на гибель и забвение. Я даже не нашла его имени на стене Мамаева кургана.

Мама: темноволосая, смуглая красавица. Правда, смуглый цвет кожи был не в моде, и я слышала, как о ней часто говорили: «Вот если бы Маруся была не такой смуглой, какой красавицей она была б!» Я, глядя на неё думала: «На дворе зима, а мама такая загорелая...» Тёмные прямые волосы убраны в пучок на затылке, правильные черты лица, прямой нос, красивые ноги и красивая походка, – всё в ней было каким-то нездешним. Больше от инопланетянки. Особенно красивой она казалась мне с ярко-красными губами – я не понимала, что это губная помада. На Дальнем Востоке мама организовала Народный Театр, который показывал спектакли в районном центре (по милости мамы участвовала и я). Не понимаю, как ей удавалось вымуштровывать актёров, они прекрасно запоминали текст, и конечно, мама делала им костюмы для сцены... Её сестра Валентина в подражание маме потом пыталась сколотить драматический коллектив в деревне Сидорёнково, мне довелось присутствовать при постановке некоего спектакля Валентиной режиссуры; спектакль был замечателен тем, что исполнители не знали своего текста, и Валентине приходилось, высунувшись из-за боковой ширмы, суфлировать довольно громким голосом, сдобряя текст от себя отборным матом. Например: «Какой

---

³ «Белая Лошадь» – «Симфония в стиле блю и скарлет».

чистый воздух»... Говори, бл..., «Ка-кой, бл., чистый во-оз-дух», ё... твою мать, скотина! Чистый воз-дух, бл!...»

Вообще-то детство моё пришлось на годы страшного голода, так говорили вокруг; в войну крестьяне, то есть колхозники, всё отсылали на фронт, после войны на Дальнем Востоке были засуха-неурожай, но я не помню собственных мук голода просто потому, что не обладаю большим аппетитом, не привередлива в еде – и съедала, скажем, варёные картофельные очистки или суп из крапивы заправленный обезжиренным молоком, как должное. Помню, мама – это было на Дальнем Востоке – купила нам в Бикине⁴ на базаре со своей зарплаты кусок хлеба за миллион рублей, и как выглядел этот кусок: серый, овальной формы. Правда, хотелось сладкого, а мне почему-то сладкого не давали, даже бабушка-бабушка не давали, хоть и были пчеловодами. Может быть, боялись, вдруг я выдам, расскажу, и факт: «колхозный мёд едят сами»... Зато летом и весной я выходила на улицу и ела травы. Бесплезно было звать меня обедать, я пряталась, набивая утробу травами. Часто эти мои трапезничания кончались отравлениями. «Белены объелась» – обо мне, я объедалась белены, еле выжила. Но зато познала, какова каждая трава на вкус и на последствия. Очень вкусна трава, названная мною «курочки», с молочком из стеблей... Заячья капуста... Кислица... А больше всего мне нравились стебли лопуха – сорвать, очистить от горькой кожицы, и в рот: м-м... Не так давно я вспомнила это блюдо моего детства, проходя мимо лопуха, сорвала стебель, очистила от кожуры, откусила... И удивилась, как я могла это есть, да ещё и находить вкусным.

Мама перемещалась по указанию РОНО, а я была чаще всего на попечении бабушки. В доме, вернее, избе, были ещё две девчонки, бабушкины дочки – мои тётки. Валентина – средняя из трёх сестёр – была замечательна своими длиннющими волосами. Младшая, Ксения, считалась первой красавицей на деревне за её румяные щёки и широко распахнутые карие глаза, и она крепко держалась за этот свой титул. Когда появилась на свет я, ей нужно было делить со мной бабушкино внимание и любовь, да ещё, не дай Бог, титул. Ревность её ко мне выражалась в ехидных комментариях и оскорблениях, смысл которых до меня не доходил, и я любила, всех их любила, пусть безответно..

В 1946 мама завербовалась на Дальний Восток, где работала учительницей в комплексной школе в деревне Надаровка: сады, сады. На деревьях – зелёные плоды слив! В Сибири такого не росло... У нас квартира в здании школы, квартира из двух комнат: «кухня», то есть прихожая, и «комната», то есть спальня. В спальне – красивая старинная деревянная кровать, как сейчас помню. В прихожей верёвочные качели, с которых я свалилась, взявшись за верёвки слишком низко. Во дворе школы деревья: ранетки и сливы, целый сад. Мне очень нравилось лазить по деревьям. Залезу наверх и сажу, обозреваю окрестности...

Школа. Уроки пения – патриотические песни:

*«...Артиллеристы, Сталин дал приказ
Артиллеристы, зовёт отчизна нас
Из тысяч грозных батарей
За слёзы наших матерей
За нашу родину – огонь, огонь!»*

Мне эта песня особенно нравилось, ведь мой отец был артиллерист, и я надеялась, что он вернётся.

В этих краях побывали японцы, это они насажали сливовые сады, в которых утопали украинские хатки (население – украинские переселенцы, бежавшие с Украины во времена

---

⁴ Город Бикин в Хабаровской области.

Великого Голода 1930х): японские брезентовые ведра, брезентовые раскладушки, японские вышитые картинки на стенах, и даже, помню, мне мама сшила платье из японской ткани в крупные цветы; шоссе – прекрасная «шоссейка», не сравнить с сибирскими грунтовыми дорогами: то ли жили здесь японцы, то ли просто пленные японцы воздвигали шоссеюную дорогу. В «Пяти ступеньках к Воскресению» я рассказываю о пожаре в Надаровке, потушенном пленными японцами (год 1948). И ещё мы, дети, находили в лесочке всякие атрибуты военных действий, патроны, ампулы... Однажды нашли флакончик с рыбьим жиром, в котором плавала мёртвая мокрица; мокрицу мы выловили и выбросили, а рыбий жир дружно распили. И мы много играли в войну. У двора Пинчуков стоял трактор, так мы превратили его в точку фронта. Во время такой игры одна девочка, Маня Подосинникова, лизнула металлические поручни трактора и прилипла языком – стоял мороз, отрывая её, пришлось пожертвовать кончиком языка. Как память о детстве – её картавость.

Весна. Лето

Мама отпустила меня с её знакомым, дядей Димой-пчеловодом, посмотреть его пасеку. Едем по шоссеюке верхом на его лошади, я держусь за дядину Диминову спину... Приехали. Вид этой пасеки, то есть красота дальневосточного лесного пейзажа: лианы, диковинные цветы и растения – дядя Дима объясняет их названия. Вот вьющееся растение с небольшими оранжевыми плодиками – дядя Дима говорит, «лимон». «Лимон?» «Ну да, лимонник, дальневосточный». «Я слышала, дядя Дима, в этих местах водятся удавы?» Дядя Дима смеётся: «Наверное, водятся. Но чуть подальше, в Уссурийской тайге». Гнедая лошадь пасётся у домика... Дядя Дима угощает меня ломтем хлеба. Возвращаемся к маме.

Ностальгия: мама засобиравалась назад, на родину. Упаковала вещи. А потом... Пришла к маме Анна Ефимовна, её подруга и землячка, с которой они вместе приехали на Дальний Восток, мама была назначена учительствовать в Надаровку, а Анна Ефимовна в село Ласточка, и вот она пришла к маме сказать, что она выходит замуж за жителя Ласточки Ивана Кочкуркина. Тогда мама передумала уезжать – сказала, она тоже остаётся, за неё посватался местный, то есть надаровский парень-тракторист, и она тоже выйдет замуж. До этого её замужества мы жили при школе в квартирке из двух комнат, а теперь надо переезжать в его дом. Переехали. Дом этот под цинковой крышей – по местным понятиям, признак благополучия. Четыре комнаты – прихожая (она же столовая); кухня; большая спальня – для мамы с мужем, и спальня для меня. При доме сад с малиной и сливами, пасека из дюжины ульев. За домом небольшой пруд, в нём весной лягушачья икра, потом – головастики, а летом – лягушки. Во дворе качели... Огород. Ближе к границе с лесом – пчельник, в котором так сладко пахнет – я любила забираться туда летом и вдыхать запах мёда и тёплой соломы, которой был устлан пол. Солнечный луч через оконце... Тишина.

Качели во дворе. Как я сказала, огород граничил с лесом, граница была отмечена колючей проволокой, можно играть прямо в лесу. Переберёшься через проволоку – и у себя «дома». Там трава «кукольник», из которой можно делать «одетых» кукол – участниц маленьких спектаклей, а были ещё кустики с супротивными веточками, из такой веточки получался тоненький человечек. Перед самым домом отчима высоченная ель, дерево северное, а вокруг её ствола – виноградная лоза, растение южное. Такой вот симбиоз. Одно было плохо – я нигде здесь не могла найти хорошей глины для скульптуры, которой была так щедра сибирская земля. (В Сидорёнково у меня была своя скульптурная мастерская – яма в огороде.) В доме, однако, – книги. Много книг дальневосточных авторов и на дальневосточные темы: «Дерсу Узала» Клавдия Арсеньева, рассказы о природе Михаила Пришвина, «Амурские ребята», «Сердце Боникура»... Я читала запоем.

Но свекровь, Мария Касьяновна – маму недолюбливает, называет «цыганкой». Словесная баталия через стенку: Марья Касьяновна в кухне, мама в моей спальне. Марья Касьяновна

считает, что мама «приворожила» её сына, выговаривает ей это через стенку, и вскоре уезжает в Бикин, к своей младшей дочери Даше, грузит свои вещи в грузовик со словами «Я буду жить как кошечка». Я долго тщи́лась представить, как это – «жить как кошечка»? Представлялось блюдо с молоком на полу. Дальше воображение не шло.

...Лето. Навещаем бабушку в Сибири. Едем с множеством пересадок на разных поездах, включая товарняки. Много туннелей. Пересадка; опять пересадка. Я сижу на чемодане на какой-то станции, мама ушла то ли компостировать, то ли просто добывать билеты, вокруг суэта и шум, а мне так хочется спать. Я клюю носом, откуда-то появляется мама, говорит «не спи». Легко сказать, «не спи». Как это мучительно, пытаться не спать, когда слипаются глаза и падает вниз голова. Мама даёт мне «ванильную» булочку и кусочек... «Что это?» «Сыр» – говорит мама. Сначала его вкус непривычен... Потом – *вкусно!* У меня тогда было своё восприятие некоторых слов – определений, например: «сладко» и «вкусно». Мои земляки-челдоны обычно говорили о вкусных вещах: «сладко». В книгах я прочла и в речи моей мамы слышала другое слово, а именно: «вкусно». Это слово мне нравилось больше, и я думала, оно больше подходит к тем вещам, которые я любила, а любила я всё сладкое: мёд, сахар, конфеты. Любовь к сладкому приводила меня к неприятным случаям. Например, такой: бабушка собралась что-то испечь. Разложила на столешнице тесто, фарш, овощи, в сторонке – ложка с горчицей. Горчица показалась мне мёдом, и я стала подкрадываться к ложке. Ближе... Ближе... Схватила ложку – и в рот, проглотила содержимое. Нужно ли описывать ощущения? Внешне это выглядело как пляска святого Витта.

Меня оставили на год в Сибири у бабушки. Здесь мы с подружкой (наверное, с Нюрой Петровой) познакомились с местной колдуньей или знахаркой – вдовой, живущей на отшибе в мазанке, и всё лето мы брали у неё уроки: она диктовала нам всякие наговоры, мы записывали, выучивали наизусть и потом сжигали текст на заслонке от русской печи – таково было правило. Передавать эту науку можно было только младшему по возрасту, и лишь таким путём. Что-то забылось за ненадобностью, а что-то запомнилось, и даже пригодилось.

Осень – школа

Четвёртый класс. На уроках обмениваемся весёлыми записочками, рисунками, а в перемену толпимся в коридоре у бака с водой. К этому времени стал доступен такой сорт сладости, как сахар-рафинад. Мы приносим с собой в школу по бесформенному куску этого рафинада, твёрдого как гранит, смачиваем в воде из школьного бака и грызём. *Вкусно!* Зима: очень короткий день, рано темнеет, поздно светает. Однако я иду в школу в абсолютной темноте – пораньше, потому что там ждут рассказы-ужастики школьной истопницы тётки... (не помню имени). Вот, дорогу мне перебегают, семена толстыми ножками, силуэт... свиньи? Упыря? Перекрестившись (рецепт Гоголя), продолжаю путь. У раскрытого поддувала печки – полыхает огонь – уже собрались слушатели, и истопница, тётка... (имени не помню) продолжает очередную страшную историю о перевоплощениях колдунов и упырей. Я сообщаю о встрече. Истопница соглашается: да, то был упырь. Да, да, это был *он* в образе свиньи. А зачем ещё животному бегать в темноте по деревне?

...Дома одна, устраиваюсь читать «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Всё-таки самая страшная история – это не «Вий», там какой-то несчастный старик, который даже не может сам открыть свои глаза: «Поднимите мне веки!» Самая страшная история – это «Страшная месть»! Плывут люди на лодке по реке, а на берегу мертвецы подобно высохшим деревьям вздымают к небу сухие руки... Тут занавеска, за которой спуск в подполье, зашевелилась... Перекрестившись, выскакиваю на улицу: Снег! Белый, чистый снег.

Весна, половодье. Тает снег, и тает лёд, наша речка Иня выходит из берегов, ученики из посёлка Петровский селятся на время половодья у сидорёнковских. У нас Валя Пчелинцева, весёлая как клоун, мы спим на одной кровати, она меня так смешит своими рассказами и детскими анекдотами! Бабушке приходится нас успокаивать: «Ну, хватит хохотать, спать мешаешь». Для взрослых половодье – сезон для сплавки леса, деревенские мужчины выбирают в тайгу сплавливать лес. Приходит весть о гибели одного из них, Моисея («Моськи») Токарева. Сезон, подходящий для сплавки леса, и опасный для людей. Но мы – дети, воспринимаем события отстранённо, как зрители большого спектакля.

Пришла весна, и с ней Пасха. Ледоход, то есть лёд, сошёл. В апреле зацветают цветы – на той стороне реки, на холмах, видно с нашего крыльца. И слышно кукование кукушки. В Сибири цветы цветут плантациями, так что с этой стороны можно было видеть цветные лоскуты флоры: нежно-лиловые и белые – «подснежника», то есть *pulsatilla vulgaris*, оранжевые – «огоньков», то есть купальницы, *trollius*... Мы отправляемся вброд «саранки копать», что значит, выкапывать и лакомиться луковицами «саранки» – лилии кудреватой, *lilium martagon*. Идём, минуя растущие в тени розово-синие цветочки «дуньки-медуньки», медуницы, *pulmonaria*, – которые также идут на десерт. За нами непременно семенит чья-нибудь собачонка.

Когда я вернулась на Дальний Восток к маме в сопровождении тёти Валентины, – родилась у мамы моя сестричка Валя – тёзка длиннокосой Валентины. Помню этот день (9 августа 1950г.) и час: полдень... Я вернулась домой с охапкой цветов «золотые шары» – нарвала в заброшенном саду, а тут новость: маленькое новорожденное чудо-чадо. Я мечтала о сестрёнке, и о том времени, когда сестрёнка подрастёт, мы будем вместе качаться на качелях во дворе. И вот, сестрёнка. А месяц спустя после рождения Вали, у соседки-вдовы тёти Наташи Лысенковой, мужа которой отчим нечаянно задавил трактором, родилась девочка Тамара – копия отчима, и он отцовства не отрицал. Наверное, он видел в этом подтверждение мужской потенции, хотя мама была на этот счёт иного мнения.

Осень. Меня отправили учиться в пятом классе – в Надаровке была лишь начальная школа – в город Бикин. Бикин – это уже Хабаровская область, в то время как Надаровка – Приморский край. Расстояние между нами – четыре ж/д станции. Сначала меня определили на постой к матери отчима, той самой Марии Касьяновны, что теперь жила в доме дочери Даши «как кошечка», потом перевели к «бабушке» Чернавихе. Там мы спали на одной кровати с девочкой из Надаровки Тоней Каширских. Тоня увлекалась акробатикой. К ней приходили девочки из её шестого класса, и вместе они тренировались на полу комнатки, где я возлежала с книгой в руках, наблюдая за их стараниями. Иногда я вставала и со словами «вот так, что ли?» присоединялась к ним: «мостик», «кольцо», «шпагат»... Была ещё одна комнатка, которую Чернавиха сдавала супружеской паре, он – военный, она – молоденькая жена военного, однажды она принесла торт и дала мне кусочек. Я смотрела на торт как на прекрасное архитектурное сооружение, и была потрясена, что это ещё и можно есть, а вкус был такой же, как и представлялся на первый взгляд — *божественно вкусный!*

«Бабушка Чернавиха» – собственно, миловидная женщина средних лет, только седая; в её жизни случилась печальная история: дочь Леночка 14-ти лет пошла с женщинами по ягоды в сезон голубики, отбилась, потерялась. Прошло много лет... Я поминаю Чернавиху в моих «Пяти ступеньках к Воскресению». У неё были ещё двое взрослых детей: Мария и Пётр, или, для нас с Тоней, «тётя Мария» и «дядя Петя». Мария жила на другом конце Бикина. Дядя Петя приезжал к ней однажды на неделю из северного посёлка Бодайбо, ему почему-то нравилось меня щекотать, поэтому я прямо не могла дожидаться, когда же он уедет.

В январе мама приехала в Бикин из Надаровки навестить меня, и сообщила о смерти дедушки. Помню это печальное утро: за окнами темно. Стук в окно Чернавихинского дома. Голоса: зовут меня на кухню. А мне как раз приснилось, что умерла бабушка, и я плакала сквозь

сон. Выхожу на кухню, сидят мама и Чернавиха. Мама говорит: «Пришло письмо из Сибири. Умер дедушка». Я заплакала наяву.

1951-й год

Вот что ещё случилось в эти дни: мама, будучи занята в школе, обращалась за помощью по хозяйству к местным женщинам. В Надаровку недавно прибыла партия переселенцев, среди них тётя Нюра (Анна) Митёхина. Она приходила и помогала маме делать уборку. Они с мамой подолгу беседовали. Оказалось, тётя Нюра сидела в тюрьме за растрату – работала продавцом, случилась растрата – посадили, тогда с этим было строго. И вот однажды, когда их перемещали по этапу, им довелось быть в одном загоне-лагере с мужчинами, ну, несколько минут. Это было на Сахалине... Присевший рядом с ней мужчина-заклѳчѳнный успел сказать: «У меня на воле осталась жена. Зовут Мария...» Тогда мама написала письмо-запрос по адресу, данному тѳтей Нюрой. Через пару месяцев её вызвали в район, в КГБ⁵, или как ещё это тогда называлось И сказали: «Да, Евгений Васильевич Малышкин – он там, и вы можете к нему присоединиться». Мама отказалась, сказав, что теперь она замужем за другим и даже третьим, и у неё дети от последующих браков. Я тогда не одобряла её «нет», даже в душе её осуждала. Не соединиться с любимым человеком!

...Мама получила пособие за моего погибшего отца, и на это пособие купила шубу из какого-то гладкого меха; ружьѳ – пугать ворон; гармошку – мне вместо пианино, о котором я мечтала. Втроѳм – мама, отчим, я – сошли с поезда и шли от станции Контровод по лесу, мама вскинула ружьѳ и сделала выстрел в никуда, а попала в енота и ранила его. Подобрала, принесла домой, назвала Мишкой, сделала загон, где он жил пока не выздоровел и удрал, сделав подкоп. Мама так расстраивалась, это было самое нежно любимое ею животное. А мне она наняла учителя игры на гармошке – соседа дядю Федю Ахметжанова. Ух. Как я ненавидела эти уроки, мне ведь хотелось пианино, а тут гармошка... В общем, научилась я играть «Цыганочку», а дальше как-то удалось обучение притормозить. Спустя какое-то время мама с отчимом (звали его Лука Емельянович Дусь) продали половину дома, чтобы потом продать вторую половину и уехать в Сибирь, на мамину родину. Она ностальгировала, и страдала от дальневосточного сырого климата. Тут ещё подрастающая по соседству Тамарка, и травля со стороны Тамаркиной матери тѳти Наташи (почему-то не наоборот), которая, встречая маму, хохотала, обзывала, делала неприличные жесты. Мне было как-то странно, что теперь можно жить лишь в половине дома, то есть где прихожая и кухня, а в другой половине украинская супружеская пара. Тѳтеньку зовут также как и маму, Мария. Меня оставили на год дома, нянчиться с ВалеЙ, так я пропустила год школы.

Старая цыганка

В Надаровку часто наведывались цыгане. Одна из них – «старая цыганка» – предсказала мне «великое будущее» и «счастье» в зрелом возрасте... («Пять Ступенек к Воскресению») Но меня больше всего удивило тогда: как она знала, что я пропустила год в школе? Начались занятия в шестом классе, на сей раз не в Бикине, а поближе, в семи километрах от Надаровки, в деревне Федосьевка. Я на квартире у местной учительницы Ольги Сергеевнѳй. Она в школе, я делаю пойло для её скотины (свиньи, гуси) – одной рукой мешаю «ингредиенты», в другой руке журнал или книга, читаю запоем... Потом, по велению мамы, у пожилой украинской пары. Эти хозяева меня не заставляют делать никаких работ по дому. У них даже есть книги

---

⁵ МГБ-авт.

на украинском языке, я читаю их, чуть понимаю. По соседству живёт человек по фамилии Бельский, который учит нас, деревенских детей, украинскому языку. Приходим к нему где-то раз в неделю, и внемлем... Только жаль, тут, в школе, меня записали в комсомол, событие скорее для меня печальное, чем радостное. Отсидевая часы скучных комсомольских собраний, среди стариков, я скучала по весёлым и ритмичным пионерским сборам. Зачем они меня в комсомол... Недобор был, что ли? Я же была малолетней по возрасту. Прямо как раннее замужество. Доучилась до декабря. Конец второй четверти – приходит мама прямо в класс, забирает меня из класса, подсаживает в кузов грузовика, где уже все вещи, отчим, Валя. Едем на ближайшую железнодорожную станцию, и едем мы в Сибирь. Едем с пересадками, и во время одного такого проезда, помню, нашими соседями по купе было небольшое семейство; сестра и брат по имени Коля – мои ровесники. Мы, дети, играли в карты, Коля всё время молчал и умышленно мне проигрывал... Его сестра объяснила это так: «Он не может выигрывать у красивых девочек». В будущем Коля станет прообразом немого скульптора в моём романе «Пять ступенек к Воскресению».

... Вот мы и приехали в бабушкин дом. Валентина и Ксения к тому времени жили и работали в Белово. В июне у мамы родится ещё одна девочка, Рая. Маме 38, и у неё трудовой стаж 20 лет. Ей не удалось найти место учителя, вся надежда на профессию отчима – трактористы в деревне, в колхозе, всегда нужны. В избешке как бы поменялась власть. Стало тесно. Мама и бабушка не могли ужиться. Решили так: избежка была оценена в 9000 рублей. (Впрочем, не уверена в количестве нулей, два или три, помню лишь корень «9».) Мама даёт бабушке 6000, та делит это между остальными двумя её дочерьми: 3000, 3000. Получается, она разделила избежку на три части, раздала дочерям, сама ушла жить к Ксении, у той с её третьим мужем был свой дом в Белово, затем – в поселке Инской, бабушку поместили в подвал, где она спала на лавке и полностью обслуживала Ксению. Я пошла в 6-й класс (третья четверть) в соседнюю деревню Поморцево, так как в Сидорёнково была лишь начальная школа, а в Поморцево семилетка. Между Поморцево и Сидорёнково расстояние 4 километра.

... Утро 6 марта, 1953: Иду в школу в Поморцево пешком, одна. Уже на расстоянии слышу, конкорд женских голосов – то ли мелодия без слов, то ли рыдания... Ближе: у первой с краю избы, и дальше, на дороге вдоль деревни, толпятся женщины, плачут: «Как же мы теперь?...» Радиорепродуктор на телеграфном столбе повторяет страшную весть: умер Сталин. Я тоже плачу. В школе день полной растерянности, горя и тревоги, в самом деле, что теперь будет?... Мы, дети, имели обыкновение клясться в достоверности своих слов именами Ленина «Честное ленинское!» и Сталина «Честное Сталинское!» – а сегодня умер наш символ.

Время шло дальше, шло вперёд. Теперь, чтобы оправдать моё пребывание в новой маминной семье, я каждое лето и даже начало учебного года, то есть весь сентябрь, должна работать на полевых работах за трудодни (это такая «палочка» в колхозном журнале) на имя отчима: прополка; сенокос; уборка... Впрочем, хорошая школа, и жизни тоже. Мы отправлялись в поле на телегах, то есть на лошадях, запряженных в телеги; всю дорогу женщины пели фольклорные песни. Я ещё прежде, в раннем детстве, слушала эти песни во времена взрослых гуляний, чаще зимой, сидя под столом. А теперь могла сама подпевать. Могла петь вторым голосом, могла первым, всё зависело от состава нашего хора. Во время обеденного перерыва я ловила за шиворот грызунов – мышей, крыс, показывала их моим сотрудницам и отпускала. Одна крыса укусила меня до крови за палец. Мало того, я ловила ящериц и отщипывала им хвосты, в расчёте на отпущение всех грехов: для этого, полного отпущения, нужно было сорок таких ящериц, сорок хвостов – существует такая примета. На моём счету ровно 40. Наш обед, наш скудный «бранч»: хлеб, лук, у кого-то сало, молоко. Мне часто давали женщины поесть, приговаривая: «Эх, Нинка, отрезанный ты ломоть!» Имелось в виду отторжение от маминой семьи:

мама не могла простить бабушке её высказывания: «Я хотела бы умереть в этом доме на руках у Ниночки». Она, мама, боялась: вдруг я и в самом деле как-то завладею этим домом, то есть избой. Вообще-то говоря, она стала меняться не в лучшую сторону: эксперименты с изготовлением алкоголя-самогона, бочонки с «бражкой», которую они с отчимом постоянно пробуют на вкус; пьяные компании...

В Поморцевской школе самым запоминающимся учителем был Михаил Константинович Торопак – «физкультурник», бывший фронтовик. Он учил нас построению: «Налево! Направо! Левое плечо вперёд! На месте шагом марш! Раз-два... Смирно!» И т. п. – своего рода уроки ритмики. Я была на квартире у семейства Головачёвых с другими девчонками из Сидорёново, мы спали вшестером, включая хозяйскую дочку Валю, на одной широченной кровати. За постой наши родственники платили Головачёвым по возу угля на зиму. В понедельник мы прибывали в Поморцево с запасом еды на неделю: хлеб, лук, несколько картофелин. Хлеб съедали в первый же день, картошку и лук запекали в духовке и съедали во второй и третий, а дальше до конца недели наступал для нас «Великий Пост»... Полуголод не мешал нам наслаждаться жизнью. Тут со мной была самая лучшая подруга Шура. О ней и о нашей дружбе я пишу «Дальние страны». Мы так хотели убежать, сбежать, в Москву, переодевшись в мальчишек, поступить в военное училище (моя идея), и начать новую, лучшую жизнь. Жизнь потом рассудила иначе. Шуру рано выдали замуж, а я, хоть и уехала в Москву несколькими годами позже, полководцем, как мне мечталось, не стала. А тогда я к этой идее относилась серьёзно, и устраивала своего рода репетиции «военных» действий. Однажды уговорила девчонок-подружек переодеться в мальчишек и подойдя к стайке курящих мальчишек, попросить у них папироску – и что из этого вышло... Потом я стала действовать в одиночку. Около дома Головачёвых собирались мальчишки-школьники, играли в снежки и подобные параспортивные игры. Откуда-то возникал щуплый мальчуган в кепке, налетал на стоящего с краю парня, валил его в снег и так же стремительно убегал. На следующее утро я в классе слушала, как одноклассники возмущались: «Опять этот дурак... свалил меня с ног!» «Откуда такой? Наверно, из Камешков.» «Ух, в следующий раз я его поймаю...» И в таком же духе. Так классно я его, этого «дурака», изображала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.